

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА В 1920-х ГОДАХ

Р. В. Пахомов

*Воронежский государственный университет,
Воронежский областной краеведческий музей*

Поступила в редакцию 9 марта 2022 г.

Аннотация: рассматриваются направления исследований Воронежского краеведческого музея на территории Костенковско-Борщевского археологического района в 1920-х гг. Автор приходит к выводу, что на протяжении указанного периода учреждение проводило свои работы в трех направлениях: издательская деятельность, обработка коллекций и полевые работы на стоянках. Ключевыми фигурами в изучении палеолитических памятников в Костенках и Борщеве стали С. Н. Замятнин и Д. Д. Леонов.

Ключевые слова: С. Н. Замятнин, палеолит, Костенки, Борщеве.

Abstract: the article discusses the issue of the directions and process of research of the Voronezh Museum of Local Lore, carried out on the territory of the Kostenki-Borshevo archaeological region in the 1920s. The author comes to the conclusion that during this period the institution carried out its work in three directions: publishing, processing of collections and field work in parking lots. S. N. Zamyatnin and D. D. Leonov.

Key words: S. N. Zamyatnin, Paleolithic, Kostenki, Borshevo.

Период 1920-х гг. ознаменовался новыми веяниями в исследованиях костенковских стоянок. После 7 лет с момента масштабных раскопок С. Круковско-го они привлекли внимание советских археологов, в том числе представителей Воронежского губернского краеведческого музея, претерпевшего за это время значительные изменения. Во многом это было связано с тенденциями, происходившими тогда в России.

Послереволюционный этап руководства советской власти вплоть до 1930-х гг. являлся парадоксальным временем как в плане общей обстановки в России, так и для отечественной науки. С одной стороны, потрясения революций и гражданской войны привели к разрушениям прежних центральных академических учреждений и сокращению числа научных кадров, с другой – динамично шел процесс преобразования археологических научно-исследовательских и музейных структур. В качестве важных его моментов выделяются следующие события: национализация строений и имущества царских дворцов и музеев; формирование художественно-исторических комиссий для их приема и охраны; создание Российской академии истории материальной культуры – первой научно-исследовательской структуры в России, в рамках которой провозглашалось принципиальное единство методов исследования объектов

первобытной, восточной классической и «бытовой» археологии; основание археологических отделений на факультетах общественных наук Петроградского и Московского университетов; формирование широкой сети малых краеведческих музеев и обществ, в задачи которых входила охрана и обследование памятников археологии местного края [1, с. 21; 2, с. 215–216].

Последняя тенденция во многом возникла в связи с определенными шагами советской власти. В ноябре 1917 г. были опубликованы сообщение А. В. Луначарского, а затем и декрет ВЦИК и СНК от 9 (22) ноября о формировании Государственной комиссии по просвещению – руководящего органа для выработки общего направления развития культуры. Множество руководящих органов, двойное подчинение художественно-исторических комиссий и сотрудников привело к созданию 21 марта 1918 г. коллегии по делам музеев и охране памятников искусства старины Наркомпроса. В мае 1918 г. в составе Государственной комиссии по народному просвещению сформировался отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Кроме этого, был опубликован целый ряд декретов, направленных на сохранение и учет памятников культуры и предметов древности. Главным из них стал декрет СНК «Об охране научных ценностей», по которому следовало принять все необходимые меры по учету и охране научных ценностей РСФСР (му-

зеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок). На III съезде Советов (21–23 января 1918 г.) были сформированы задачи по преобразованию музеев в учреждения общенародного пользования, являвшихся при этом источником образования и воспитания. Таким образом, декреты советской власти 1918 г. привели к тому, что в 1920-х гг. музеи начали преобразовываться из простого места хранения древностей в научно-просветительские центры с функцией учета и охраны памятников [3, с. 100–106].

Обозначенные выше явления нашли свое отражение в деятельности оказавшегося в ведении Губернского отдела народного образования Воронежского губернского музея. После революционных событий 1917 г. и Гражданской войны именно с дальнейшим его развитием связано возобновление силами воронежских исследователей краеведческой и археологической деятельности в губернии. В первой половине 1920-х гг. учреждение определяется на твердый бюджет, перераспределяется музейный фонд, возобновляется экскурсионная и издательская деятельность, организуются археологические и этнографические экспедиции. Тогда активно развивался отдел первобытных древностей, а также продолжался сбор, учет и хранение археологических находок. В то время музей несколько раз сменял свое название. В 1922 г. он именовался Воронежским губернским историко-археологическим, а с 1923 г. – Воронежским государственным историко-культурным. К середине 1920-х гг. просветительская модель провинциального музея достигла своего расцвета. Во второй половине происходят реструктуризация музейной системы в сторону политического просвещения масс и смена кадров. Это, в свою очередь, привело к утрате отделом первобытных древностей своей прежней самостоятельности. В 1930-х гг. после съезда краеведов Центрально-Черноземной области начались аресты, и в мае 1931 г. коллегией ОГПУ был вынесен обвинительный приговор 11 музейным сотрудникам Воронежской области. После этого археологические исследования в крае местными силами заметно ослабли. В основном они проводились ленинградскими исследователями [4, с. 48; 5, с. 23–24]. Данные события наложили свой отпечаток на исследования костенковских и борщевских стоянок.

Работа по изучению памятников Костенковско-Борщевского района возобновилась в 1922 г. Непосредственную роль в этом сыграл Сергей Николаевич Замятнин.

В истории отечественной археологии С. Н. Замятнин (1899–1958) по праву занимает место в ряду выдающихся ученых первой половины XX в. Интерес к археологии у него проявился рано: после окончания

гимназии в 1915 г. он принял участие в раскопках Воронежской ученой архивной комиссии. Именно тогда Сергей Николаевич начал свое сотрудничество с Губернским музеем. С 1915 г. он работал в должности младшего научного сотрудника. До конца 1921 г. Сергей Николаевич являлся инструктором Губмузея. После увольнения по сокращению и зачислению уже штатным сотрудником Воронежского историко-археологического музея ученый занимался координацией работы по учету и сохранению археологических памятников и находок на территории Воронежской губернии. В рамках проводимой работы в 1921 г. им была опубликована статья «По поводу археологической карты Воронежской губернии», где предлагалась новая программа по учету памятников археологии на территории края. Соответственно ей Сергей Николаевич совершал поездки по губернии, собирал сведения о курганах, городищах и других памятниках старины, заносил их планы и зачерчивая топографию местности, ее рельефы. С февраля 1921 по январь 1925 г. ученый занимал должность хранителя археологического отдела музея [4, с. 49–50].

Одновременно С. Н. Замятнин занимался изучением и систематизацией археологических коллекций в фондах. В частности, это коснулось и костенковских древностей. В начале 1920-х гг. им была обработана конфискованная в 1915 г. коллекция каменных и костяных изделий С. Круковского. Результаты работы были опубликованы в 1922 г. в брошюре «Очерки по доистории Воронежского края». Сергей Николаевич указывал, что в числе кремневых орудий имелся ряд характерных форм периода мадлена: большие ножи, скребки и мелкие острия. Кроме того, в число изделий входили «остроконечники с выемкой в нижней части типа солютре» и «скребки высокой формы» ориньякской эпохи. Следует отметить, что при определении типов каменных орудий С. Н. Замятнин ориентировался на позиции французских и отечественных исследователей, таких как Анри Брейль [6, р. 320–340; 7, р. 26–40] и Петр Петрович Ефименко [8, с. 13–26]. Среди костного материала ученым были выделены кости мамонта, челюсть с нарезками и штрихами. Помимо этого, в коллекции исследователь обнаружил небольшую статуэтку из мергеля, изображающую женскую фигуру. Сергей Николаевич подчеркнул, что эта находка имела огромное значение, поскольку являлась на территории России первой и единственной в своем роде [9, с. 7].

Изученный материал задал для Сергея Николаевича направление для дальнейшего изучения палеолитических стоянок в Костенковско-Борщевском районе. В 1922 г. он посетил Костенки I и Борщевое I.

Там ученый заложил небольшие шурфы. В октябре того же года С. Н. Замятнин вместе с лаборантом кафедры ботаники Воронежского сельскохозяйственного института и будущим основателем российской палеокарпологии Петром Алексеевичем Никитиным открыл стоянку Борщево 2 [10, с. 11, 211, 217; 11, с. 21; 12, с. 88].

На протяжении зимнего периода 1922–1923 гг. сотрудники отдела археологических древностей во главе с Сергеем Николаевичем проводили промывку и очистку предметов из раскопок костенковских стоянок. Для консультаций со специалистами в процессе обработки коллекций каменного века в первой половине 1923 г. ученый был командирован в Москву. Возможно, именно тогда он достиг договоренности с П. П. Ефименко об организации совместных раскопок под руководством последнего в районе Костенок и Борщево. В 1923 г. под руководством Петра Петровича начала работу совместная экспедиция Воронежского государственного историко-культурного и Русского музеев. Сергей Николаевич принял в ней активное участие. Вместе с ним от музея участвовали в раскопках В. К. Быстржинский и Д. Д. Леонов. Экспедиция продолжала свою работу с 18 июля по 20 сентября [4, с. 51; 13]. В результате были подробно изучены стоянки Костенки 1, Борщево 1 и 2, а также открыты Костенки 2, Костенки 3 и Борщево 3 [14, с. 154]. На последних следует остановиться более подробно.

Костенки 2 были найдены на пологом мысу левого борта приустьевой части Аносова лога. В 1923 г. С. Н. Замятнин вместе с П. П. Ефименко частично исследовали ее. Требовались более тщательные раскопки, что и состоялось в 1927 г. и затем в 1950-х гг. [15, с. 67]. Костенки 3 были открыты Д. Д. Леоновым на правом берегу ручья, вытекавшего из Попова лога. Костенковская экспедиция вскрыла культурный слой памятника на площади в 35 м² [16, с. 72]. Стоянка Борщево 3 была обнаружена на левобережном приустьевом мысу Вишунова лога в 1 км к югу от стоянки Борщево 1. Вместе с представителями Воронежского государственного историко-культурного музея П. П. Ефименко заложил 4 шурфа. В одном из них, расположенном на усадьбе М. Вишунова, было обнаружено несколько кремней. Изучением этого памятника занимался позднее, в 1936 г., П. И. Борисковский [17, с. 222].

Вместе с этим следует упомянуть, что на небольшом, размером в 35 м², шурфе, заложенном в верхнем культурном слое стоянки Костенки 1 оказалась найдена вторая палеолитическая «Венера», изготовленная из бивня мамонта. Она не уступала лучшим зарубежным образцам по мастерству изготовления и своеобразному изяществу [11, с. 21].

Экспедиция 1923 г. открыла новый период в изучении Костенковско-Борщевского района. С этого момента начинаются многолетние, целенаправленные исследования палеолита на Дону. Однако вплоть до 1930-х гг. памятники изучались с помощью разведок и раскопок ограниченными площадями [там же].

В 1924 г. сотрудниками Воронежского областного музея краеведения М. Е. Фосс и Д. Д. Леоновым были проведены сборы подъемного материала на стоянках Костенки 1 и Борщево 2. Тогда же С. Н. Замятнин совершил длительную командировку в Ленинград, после чего в январе 1925 г. оставил должность хранителя отдела, которую занял Д. Д. Леонов. Однако Сергей Николаевич продолжал руководить полевыми археологическими исследованиями музея, одновременно исполняя поручения Российской академии истории материальной культуры [4, с. 51; 14, с. 154–155]. С 15 мая по 15 июня 1925 г. ученый осуществил разведки стоянок каменного века на территории Воронежской и Курской губерний [18].

Еще в феврале 1925 г. был разработан и принят план дальнейших исследований на стоянках Борщево 1, 2 и 3. Руководителем этих работ был назначен С. Н. Замятнин, а его помощником – Д. Д. Леонов. Планируемая экспедиция могла бы завершить исследования, проводимые в 1922 и 1923 гг. Однако полевая деятельность музея и Сергея Николаевича лично развернулась в пределах Острогжского и Россошанского уездов и у с. Подгоровка [4, с. 52]. Согласно удостоверению от 22 июля 1926 г. и отчету, в период с 1 февраля по 1 ноября 1926 г. С. Н. Замятнин принимал участие в Северо-Кавказской экспедиции под руководством А. А. Миллера, проводил раскопки Ильской стоянки, работал в Музее Грузии в Тифлисе над коллекциями Р. Р. Шмидта и С. Круковского [19; 20, л. 2]. Позднее им была исследована Гагаринская стоянка [21, л. 2–3]. Только в 1927 г. ученый вновь обратил внимание на костенковские древности и осуществил намеченный план. Однако это произошло уже без участия Воронежского музея.

Согласно отчету аспиранта, по поручению Государственной академии истории материальной культуры в течение октября С. Н. Замятнин провел раскопки на стоянках Костенки 2, 3 и разведки в ряде придонских балок. Их целями являлись дальнейшее исследование тех местонахождений, которые дали недостаточный для интерпретаций материал; интенсивная разведка для обнаружения новых стоянок в Костенковско-Борщевском районе. В итоге на Костенках 3 С. Н. Замятнин расширил раскоп П. П. Ефименко на 40 м², в результате чего оказался выявлен мощный обширный культурный слой. С помощью серий разведочных шурфов на стоянке Костенки 2 был найден очаг, давший весьма богатые находки камен-

ных и костяных изделий. В устье Александровской балки Сергей Николаевич обнаружил весьма богатое местонахождение, «относящееся к концу верхнего палеолита». Таким образом, была открыта новая стоянка – Костенки 4. На правом борту Александровского лога на оконечности небольшого по площади мыса, образованного поймой Дона и Бирючим логом, С. Н. Замятнин нашел стоянку Костенки 6 (Стрелецкую 1). Там в заложном им у подножия мыса шурфы были обнаружены кости мамонта и отдельные кремни [там же; 16, с. 72; 22, с. 76; 23, с. 88].

В 1928 г. Сергей Николаевич в составе экспедиции Государственной академии истории материальной культуры под руководством П. П. Ефименко продолжил исследования Костенок 4 и 6 [24]. Кроме того, зимой 1928–1929 гг. им была проработана коллекция И. С. Полякова [25]. Дальнейшая история изучения палеолита на Дону связана с раскопками ленинградских исследователей.

Таким образом, изучение Костенковско-Борщевского археологического района представителями Воронежского краеведческого музея в 1920-х гг. велось в трех направлениях: издательская деятельность, обработка коллекций и полевые работы на стоянках. В результате вышли в свет печатные издания с трагиванием темы палеолита в Костенках и Борщеве, открыты новые палеолитические стоянки в районе (Костенки 3, Борщеве 2 и 3), детально изучены старые (Костенки 1 и Борщеве 1), а также обработана крупная коллекция С. Круковского. Ключевые роли в исследованиях играли С. Н. Замятнин и Д. Д. Леонов.

В заключение отметим, что с 1923 г. процесс исследований палеолита в Костенковско-Борщевском археологическом районе неразрывно связан с экспедициями Русского музея и Государственной академии истории материальной культуры. При этом если до 1925 г. Воронежский государственный историко-культурный музей играл в изучении стоянок Костенок и Борщеве ведущую роль, то после ухода С. Н. Замятнина, а также утраты отделом первобытных древностей своей самостоятельности археологические исследования были продолжены уже силами ленинградских ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых / С. А. Васильев. – СПб., 2008.
2. Платонова Н. И. История археологической мысли. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н. И. Платонова. – СПб., 2010.
3. Кузина Г. А. Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. / Г. А. Кузина. – М., 1991.

4. Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее / Е. Ю. Захарова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 2. – С. 48–53.

5. Захарова Е. Ю. «Работа велась так интенсивно и была так тяжела...»: о музейной археологии в Воронежской губернии 1920-х годов / Е. Ю. Захарова, М. В. Бояркин // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Международной научной конференции. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 23–24.

6. Breuil H. Études de morphologiepaléolithique. La transition du mousterien vers l'aurignacien a l'abriaudi (dordogne) et au moustier / H. Breuil // Revue de l'école d'anthropologie. – Paris, 1909. – Т. 59, № 1.

7. Breuil H. Études de morphologiepaléolithique. L'industrie de la grotte de chatelperron (allier) et d'autres gisements similaires / H. Breuil // Revue de l'école d'anthropologie. – Paris, 1911. – Т. 59, № 2.

8. Ефименко П. П. Костенковская палеолитическая стоянка / П. П. Ефименко // Ежегодник Русского антропологического общества: в 6 т. – Петроград, 1915. – Т. 5. – С. 13–26.

9. Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края / С. Н. Замятнин. – Воронеж, 1922.

10. Праслов Н. Д. История изучения палеолита Костенковско-Борщевского района и сложение костенковской школы / Н. Д. Праслов // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. – Л., 1982.

11. Аникович М. В. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук / М. В. Аникович, В. В. Попов, Н. И. Платонова. – СПб., 2008.

12. Бессуднов А. А. История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона / А. А. Бессуднов // Научные ведомости. – СПб., 2009. – № 9 (64).

13. Воронежский областной музей (далее – ВОМ). – Ф. 4533. – № 90.

14. Захарова Е. Ю. Археологическое исследование черноземного центра России в 20-е годы XX века / Е. Ю. Захарова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2006. – № 2.

15. Борисковский П. И. Костенки 2 (стоянка Замятнина) / П. И. Борисковский, Т. Н. Дмитриева // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. – Л., 1982.

16. Праслов Н. Д. Костенки 3 (Глинище) / Н. Д. Праслов // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. – Л., 1982.

17. Рогачев А. Н. Борщеве 3 / А. Н. Рогачев // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. – Л., 1982.

18. ВОМ. – Ф. 4533. – № 104.

19. ВОМ. – Ф. 4533. – № 106.

20. ВОРМ. – Ф. 4533. – № 138.

21. Отчет аспиранта Государственной академии истории материальной культуры С. Н. Замятина за 1927 г. // ВОРМ. – Ф. 4533.

22. *Рогачев А. Н.* Костенки 4 (Александровская стоянка) / *А. Н. Рогачев* // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. – Л., 1982.

23. *Рогачев А. Н.* Костенки 6 / *А. Н. Рогачев* // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. – Л., 1982.

24. ВОРМ. – Ф. 4533. – № 115.

25. Отчет аспиранта Государственной академии истории материальной культуры С. Н. Замятина за 1928/1929 г. // ВОРМ. – Ф. 4533.

Воронежский государственный университет, Воронежский областной краеведческий музей

Пахомов Р. В., аспирант, младший научный сотрудник музея

E-mail: RomanPachomov77@yandex.ru

Voronezh State University, Voronezh Regional Museum of Local Lore

Pakhomov R. V., Post-graduate Student, Junior Research Fellow of the Museum

E-mail: RomanPachomov77@yandex.ru